

РАННЯЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА

(Поэзия Аниты Тегейской)

В эпоху эллинизма поэтическая эпиграмма из простой посвятельной или надгробной надписи, предназначенной для практических целей и известной уже в VIII в. до н. э. на самых первых этапах существования греческой письменности¹, впервые становится одной из основных художественных форм выражения личных чувств в новой книжной поэзии.

Эпиграмма принимает на себя роль посредницы между двумя культурными эпохами. Одинаково приемлемая для приверженцев самых различных, зачастую противоборствующих литературных взглядов, школ и направлений, она мирно и прочно утверждает себя в эллинистической литературе и надолго ее переживает.

Одна из причин указанного явления лежит во «внелитературности» эпиграммы архаического и классического периодов, в ее изначальной анонимности, в отсутствии собственного стиля.² Доэллинистические эпиграммы, независимо от приписанных им впоследствии авторских имен, несли в себе стилистические признаки тех жанров, которые были ведущими в каждую отдельную культурно-историческую эпоху (эпос, лирика, драма).

Издавна эпиграмма предназначалась для фиксации в слове финала культового либо внекультового прославления — прижизненного или посмертного. Этот столь важный в жизни древнего коллектива ритуал складывался из разнообразных и многочисленных церемоний. Первой и наиболее торжественной среди них было исполнение гимнов и тренов, т. е. величальных и погребальных песен. Примечательно, что эти виды древнего мелоса, столь разные в позднейшем восприятии, были единными еще в конце VI в. до н. э. По свидетельству Евстафия, Анакреонт называл треной гимном³. Подобные песнопения были разовыми по своей природе, т. е. предназначались для однократного исполнения на данном конкретном празднестве. Но объектами прославления были боги, герои и люди, которых надлежало утверждать постоянно и вечно в их бессмертной славе. Противоречие между ограниченной во времени церемонией и намерениями ее участников устранилось в финальной части ритуала. Подношение или стела, т. е. реальная вещь, наделенная, кроме того, даром живой речи (надписью), завершала и утверждала во времени весь ритуал. Поэтому настоящему не грозила опасность сделаться прошлым, так как оно становилось устойчивым для будущего. Однажды прославленные всем коллективом деяния и заслуги бога или смертного были закреплены в вещем даре, который гарантировал благополучие не только всему данному коллективу, семье, роду, общине, фиасу, но и каждому его члену в отдельности.

A priori нет ничего необычного в том, что известные сочинители тренов и гимнов, профессионалы, могли участвовать в составлении надписей. Но какие именно сопутствующие ритуалу надписи сочинили в действительности Архилох, Сапфо, Симонид Кеосский или Анакреонт, а какие лишь впоследствии были приписаны им, прославленным составителям мелосов, теперь определить вряд ли возможно.

Впервые в конце прошлого столетия Р. Рейтценштейн с большой осторожностью высказал предположение о возможности генетической связи одного из двух видов эллинистической эпиграммы с мелосом. Он считал, что та эпиграмма, которую он условно назвал дорийской, имеет корни в дорийской лирике³. Гипотеза Рейтценштейна не встретила сочувствия. Напротив, ее оппоненты во главе с Вилламовицем справедливо

¹ L. H. J e f f e r y, The local Scripts of archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the eighth to the fifth Centuries B. C., Oxf., 1961; P. F r i e d l ä n d e r, Epigrammata. Greek Inscriptions in Vers from the Beginnings to the Persian Wars, Los Angeles, 1948 (далее — Fried.).

² λέγουσι γὰρ παρ' Ἀνακρέοντι ἐπὶ θρήνου κείσθαι τὸν ἕμνον — Eust. in Il. 928, 63; Anacr. fr. 168 Gentili.

³ R. R e i t z e n s t e i n, Epigramm und Skolion. Ein Beitrag zur Geschichte der alexandrinischen Dichtung, Giessen, 1893.

выступили против утверждения о двух противоборствующих, исконно различных видах эллинистической эпиграммы⁴. Но в азарте спора остался незамеченным, а потом был забыт тезис Рейтценштейна о связи эпиграммы с мелосом. Возможно, он был еще бесперспективным, так как сам исследователь ощущал зыбкость своего постулата, выразив надежду на то, что потомкам в этом повезет более, чем ему (стр. 21).

По времени возникновения так называемая дорийская эпиграмма старше другой, столь же условно названной ионийской. Основоположившей ее принято считать Аниту из аркадской Теги, а наиболее известным представителем Леонида Тарентского. Из числа других более или менее значительных поэтов следует упомянуть Мнасалка Сикионского, Носсиду из эпизефирской Локриды, родосцев Симия и Аристодика, Мерио из Византия, Никия Милетского, а также Арата, Феокрита и ряд других авторов. Все они, названные и не упомянутые, включая Эринну, общепризнанную основоположницу обеих течений в эллинистической эпиграмме, близки между собой по тому особому признаку, который можно назвать «до или внедорийским». Все географические пункты, называемые как места рождений или скорее даже места постоянного пребывания этих поэтов, известны либо по своему микенскому или домикенскому прошлому, либо как земли, первыми принявшие во времена бедствий ахейских беженцев. Таким образом, именно в этой среде можно ожидать наиболее стойкую песенную традицию додорийского периода. Пример же аркадской Теги раскрывает их роль и значение в культурной жизни послеклассической Эллады.

Многочисленные античные свидетельства и неизменная традиция вынуждают исследователей и поныне искать в древней Аркадии колыбель архаического мелоса⁵. Однако не сохранилось никаких следов, реально подтверждающих слова Полибия об Аркадии как о стране неумолчно звучащих песен, где жители соревнуются между собой в мастерстве их сочинения и исполнения (IV, 20).

Первая известная нам аркадская поэтесса — Анита Тегейская. В сохранившихся свидетельствах ей постоянно сопутствует эпитет *μελοποιός*, т. е. сочинительница мелоса⁶. Ее сравнивают с Гомером и Сапфо. Легенда наделяет ее способностью возвращать зрение слепцам (Paus., X, 318, 13). О размахе ее славы можно заключить на основании слов Стефана Византийского (VII в. н. э.): для него Анита — единственная достопримечательность маленькой провинциальной Теги (Steph. Byz., s.v. Τεγέα).

Мелика Аниты нам неизвестна. Во II в. до н. э., около двух десятков ее эпиграмм включил в свое собрание ((*Στέφανος*) поэт Мелеагр, сборник которого представляет собой ядро обеих дошедших до нас антологий. Мелеагр назвал эпиграммы Аниты белыми лилиями, цветами, символизировавшими для древних власть, чистоту и красоту (Paus., V, 11; Virg. Aen. VI, 882). Неизвестны ни биография Аниты, ни ее хронология⁷. Она не могла жить позже 300 г. до н. э., так как первая половина III в. — время жизни ее старших последователей и подражателей (Мнасалк, Никий, Арат, Феокрит). Под ее непосредственным влиянием примерно в это же время сочиняли эпиграммы Асклепиад Самосский и Леонид Тарентский. Обратная зависимость полностью исключена: слишком архаична поэтическая манера Аниты, а все ее эпиграммы слишком близки к под-

⁴ U. Wilamowitz-Moellendorff, *Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos*, I, B., 1924, стр. 120 слл.

⁵ E. Pansky, *Et in Arcadia ego. Philosophy and History, Essays present to E. Cassires*, Oxf., 1936; F. Magnus, *Arkadien*, Diss., Hamburg, 1945 (машинопись); G. Jachmann, *L'Arcadia come paesaggio bucolico*, Maia, NS 5, 1952, стр. 161—174; J. Duchemin, *La houlette et la lyre. Recherche sur les origines pastorales de la poésie I*, P., 1960.

⁶ «Anthologia Palatina» (далее — AP), IV, 5; VII, 208, 215, 486, 492, 646, 724; IX, 26.

⁷ M. J. Vaale, *Studia in Anytes poetriae vitam et carminum reliquias*, Diss., Amsterdam, 1903; S. Colangelo, *Anite de Tegea, Origine, sviluppo e diffusione dell'epigramma dorico*, «Studi Italiani di Filologia classica», 21, 1915, стр. 280—337; G. Luck, *Die Dichterrinner der griechischen Anthologie*, Museum Helveticum, II, 1954, стр. 170 сл.; *The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams* ed. by A. S. F. Gow and D. L. Page, II, Cambr., 1965, стр. 89—91.

линным надписям. Общепринятая датировка — вторая или третья четверть IV в. до н. э.

Роль и значение эпиграмматического творчества Аниты можно понять лишь на фоне конкретной исторической обстановки Тегей во второй половине IV в. до н. э. Но для представления о ней необходим краткий экскурс в историю более далеких времен. Успинаемая уже в Илиаде Тегея была в микенский период одним из крупнейших городов Аркадии. В годы юности гомеровского Нестора Аркадия воевала с Пилосом (II, VII, 132 сл.), а в троянский поход, несмотря на свою отдаленность от моря и труднопроходимые горы, сумела выставить от восьми городов целых 60 боевых кораблей (II, II, 603 сл.). Мифы и предания сохранили далее воспоминание об ожесточенном сопротивлении, оказанном Тегеей дорийским завоевателям. Греки считали тегейцев изобретателями железного оружия и самыми бесстрашными и стойкими воинами. Спартанцы утвердили свою власть над Тегеей лишь к середине VI в. до н. э., тайно похитив отсюда кости Ореста, как рассказывает Геродот (I, 66—68), но ненависть населения к спартамцам оставалась неистребимой. В эпоху Греко-Персидских войн даже афиняне вынуждены были признать военное превосходство тегейцев (Herod., VII, 202 и IX, 26 сл.) и перенести к себе на акрополь из тегейских гор культ козлоногого бога Пана. Усиление Спарты неизменно влекло за собой жизненный спад ее пелопоннесских противников, что не мешало, однако, Тегее в любых условиях лидерствовать среди них. В IV в. до н. э. даже в тех случаях, когда Аркадия разделялась на два лагеря, Тегея неизменно главенствовала во всех антиспартанских союзах и федерациях.

Первая половина IV в., достаточно хорошо представленная нашими античными источниками (Ксенофонт, Диодор, Плутарх), — период необычайной активизации всего неспартанского Пелопоннеса. Мечты об окончательном торжестве над Спартой и Афинами, о ниспровержении, внутренней проаристократической оппозиции, о возвращении времен былого величия приобретают у современников реальную опору в политике Беотии и в действиях Эпаминонда. Неожиданная смерть беотийского полководца не приносит тегейцам разочарования в их иллюзиях: роль преданного друга Тегей и неизменного защитника интересов демократической Аркадии берет на себя Филипп Македонский, который после херонейской битвы торжественно передает Тегее часть Лаконии (Ролуб., IX, 28, 7).

Увлечение додорийским прошлым и обновление полузабытых тенденций и традиций проявляется, например, в таком важном политическом акте, как создание в 370 г. Аркадского союза, просуществовавшего до смерти Александра⁸, или же в основании в 369 г. Мегалополя в качестве общеаркадского центра антиспартанской коалиции. Тегейцы принимали самое активное участие и в том и в другом⁹, но самым торжественным событием для них было завершение в 40-х гг. строительства храма Афины Алей. Построенный по проекту Скопаса на месте древнего, сгоревшего в начале IV в. тегейского святилища, этот храм должен был сделаться по традиции общим культовым центром додорийской Элады. Туда перенесли архаическое изображение Афины, а Скопас изваял статуи Асклепия и Гигии. Надписи же на первых вкладышах в этот храм, как считается, сочиняла Анита. Среди ее эпиграмм сохранились две такие надписи¹⁰. Так как копые критянина Эхекратиды и чаш тегейца Ераспида посвящены Афине, сопровож-

⁸ Xen., Hell. VI, 15, 1 сл.; Diod., XV, 59; N u p e r i d., in Demosth. 18; P o l u b., II, 41, 6.

⁹ Подробно о всех событиях см. «Древняя Греция» под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистов, М., 1956, стр. 391 сл.; «The Cambridge Ancient History», V, 1926; H. B e n g t s o n, Griechische Geschichte, 2 изд., Münch., 1960; P. C l o c h e, Les hommes politiques et la justice populaire dans Athènes au IV siècle, «Historia», IX, 1960, стр. 80—95; U. K a h r s t e d t, Forschungen zur Geschichte d. ausgehenden V. u. d. IV Jahrhunderts; B. N i e s e, Beiträge z. Geschichte Arkadiens, «Hermes», 34, 1899, стр. 520—552; H i l l e r v. G a e r t r i n g e n, RF (1934); IX. Halbbd, 107—118, s. v. Tegea.

¹⁰ AP, VI, 123; 153=664 сл. и 668 сл. HE (так цитируется издание — The Greek Anthology. Hellenistic epigrams ed. by A. S. F. Gow and D. L. Page, I—II, Camb., 1965). Сохранилась фрагментарная надпись VI—V вв. из Тегей с посвящением Алей и упоминанием о подвигах — № 155, Fried.

тельные же надписи полностью традиционны, возможность подобного предположения вполне вероятна. Однако столь же традиционны остальные восемь посвященных надписей, теснейшим образом связанные с предметом посвящения. Иногда в них пропущено указание на место посвящения, иногда отсутствует обозначение дара. Попадая в книгу, подобные эпитафии становятся головоломками, так как подлинная архаическая надпись неотделима от дара, а каждый объект посвящения характеризовался строго регламентированным перечнем даров и четкими локальными признаками. В посвященных эпитафиях Аниты фигурируют боги Аркадии: Афина, Гермес с сыном Паном, Дионис Бромий, Афродита Морская.

Параллели в собраниях подлинных надписей имеют также все эпитафии Аниты, адресованные людям и включенные Пеком в его собрание метрических надгробных надписей¹¹. Все пять эпитафий Аниты объединены мотивом преждевременной смерти, известным уже в «Илиаде». В эпитафиях женщинам, а их четыре из пяти, присоединен дополнительный мотив добрачной смерти, впервые обнаруженный в аттической эпитафии VI в. до н. э. (эпитафия Фрасиклеи — № 80 Fried.)¹².

Новое время считало Аниту изобретательницей эпитафий на могилах животных, и четыре таких эпитафии поэтессы дали повод Рейтценштейну утверждать о книжности всех эпитаграмм Аниты¹³. В действительности и здесь Анита возвращается к уже забытой и ставшей редкостью традиции. Общеизвестно, что искусство Эллады с древнейших времен в сюжете и орнаменте постоянно связано с анималистической тематикой. Архаические изображения война с конем на стелах и саркофагах — очень распространенное явление. Позднее Мильтиад и Еватор хоронили своих боевых коней, а Феофраст воздвиг стелу с надписью собаке. Некий афинянин Полиарх устраивал публичные похороны любимых собак и петухов с надписями на их могилах¹⁴. В развалинах тегейского храма были обнаружены многочисленные скульптуры животных, свидетельствующие о стойкости местных тотемистических пережитков, отраженных в греческой мифологии и в древней литературе Востока (Авеста). Традиционная архаичность «животных» эпитафий Аниты заключается в том, что погибшие животные (конь, дельфин, собака и петух) удостоены прославления за свои заслуги перед людьми. В перечислении этих заслуг и их констатации нигде не найти даже намек на эмоциональное восприятие смерти живого существа. Поэтому Анита не могла быть автором приписываемых ей эпитафий кузнечикам и цикадам, хотя в них удачно воспроизведена ее стилистическая манера (АР, VII, 189 и 190). Из-за смещения акцента — неожиданная смерть вызывает сожаление уже сама по себе — в этих подражательных эпитаграммах звучат чуждые Аните сентиментальные ноты.

В эпископской объективности изложения, в органической связи надписи и предмета проявляются у Аниты основные черты архаических подлинных надписей, столь типичные для ее эпитаграмм независимо от их назначения. Другая сторона традиционности этих стихотворений идет по линии их связи с архаическим мелосом и прослеживается гораздо труднее. Материала для сравнения здесь почти нет, хотя некоторые общие черты все же можно наметить.

До сих пор удивление исследователей вызывает необъяснимая еще приверженность поэтессы к эпитетам, благодаря чему ее эпитаграммы столь выделяются среди

¹¹ АР, VII, 486; 490; 646; 649; 724=676—695 HE; W. Peek, Griechische Vers-Inschriften, I, Grab-Epigramme, B., 1955, 919, 1189, 1204, 1463, 1465.

¹² П. XIII, 763; XVIII, 106 — мотив преждевременной смерти. О браке как об одной из метафор смерти в архаической поэзии см. E. Riess, On some Passages from the Greek Lyrics, «Classical Weekly», 41, 1947—48, стр. 59—61; а также E. Griessmair, Das Motiv des mors immatura in den griechischen metrischen Grabinschriften, Comm. Aenipontana, 17, Innsbruck, 1966.

¹³ АР, VII, 208; 209; 215 и Poll. 5, 48 = 696, 2, 713 HE; J. Herrlinger, Totenklage um Tiere in der antiken Dichtung, «Tübing. Beiträge zum Altertumswiss.», Heft 8, 1929; Lusk, ук. соч., стр. 179.

¹⁴ Ael. N. A., 12, 40; Theoph. Char. 21,9; Dio d., 13, 82; Ael. V. N. 8, 4. Ряд подобных эпитафий более позднего времени собраны у Геррлингера (ук. соч., стр. 130 сл.) и Пека (ук. соч.).

прочих. Подсчитано, что на общее количество именных форм у Аниты приходится 80% прилагательных, а у Асклепиада или Каллимаха их не более 30%¹⁵. Среди эпитетов Аниты имеются общие с Гомером — *ἄζαλος*, *αἰπός*, *ἀμείλικτος*, *δαφνίνος*, *εὐρύχορος*, *ἡμεύεις*, *ἡύκαμος*, *μαρνάμενος*, *ὀλόφυνος*, *περικαλλής*, *τλαυρίνος*, *ὠκύμορος*. Но, с другой стороны, сложные эпитеты (компози́ты) зачастую пока более нигде не обнаружены и представляют собой те лексические раритеты, которые называются *ἄπλξ εἰρημένα*. Сведения о языке архаического греческого мелоса крайне скудны, так как его многовековая устная традиция в наших литературных источниках еще не выделена, а все попытки ее воссоздания пока не выходят за рамки гипотез. Однако анитовские компози́ты типа *βουχαυδής*, *οἰόβριος*, *ἀχράης*, *φριξοκόμος*, *αὐλιάδης*, *φιλόφογγος*, *ποικιλόδειρος* скорее следует представлять случайно уцелевшими реликтами древнейшего поэтического языка, чем собственными неологизмами поэтессы, или же таковыми, построенными по архаическим, утраченным образцам.

Косвенным подтверждением сказанного выше может быть приверженность Аниты к фольклорным стилистическим приемам, которая столь ярко проявляется как в ее обращении к эпитетам, так и в использовании их. Остановимся на некоторых наиболее характерных случаях. Анита, например, употребляет цветковые обозначения для передачи блеска, яркости или мглы и мрака, т. е. света и тьмы. Так, прилагательное *χλωρός* «зеленый» определяет листву, поток Ахеронта и слезы¹⁶. В АР, VII, 646 смерть определена двумя эпитетами *μέλας* и *κυάνεος* — «черный и мрачный», которые в архаической греческой лирике неотделимы от традиционных метафор смерти¹⁷. Анита воспроизводит здесь главную приметку архаического поэтического стиля лирики — нагромождение эпитетов, унаследованную впоследствии только лишь гимнической поэзией¹⁸. Не менее характерен прием персонификации предмета с помощью соответствующего эпитета¹⁹. Копье Анита называет смертоубийственным, его острие — когтем (*κράνεια βροτόκτονος*, *ὄνυξ* — АР, VI, 123), а траву — прекрасноволосой (*ἡύκαμος* — АР, XVI, 231). Примечательно, что в последнем случае она переносит формульный эпитет бога на охраняемое божеством пастбище и в результате обычный сельский выгон преобразуется в божественный.

В отличие от эпического словоупотребления Анита избегает многосложных слов. На общее количество слов у нее 42% двусложных, 23% трехсложных. Слова же из четырех и более слогов — либо собственные имена, либо сложные эпитеты.

С искусством устной народной поэзии, с мелосом, Аниту сближает также звуковое оформление эпиграмм. Надпись на огромном бронзовом котле, «быковмещающем» начинается с последовательного чередования глухих и звонких согласных (π и β — АР, VI, 153 = 668 сл. НЕ). В эпитафии петуха, которого ночью в курятнике загрызла

¹⁵ Л и с к, ук. соч., стр. 174, прим. 27.

¹⁶ АР, XVI, 228; VII, 486, 646 = 735, 683, 689 НЕ. Возможно, сюда же относится гомеровское сочетание *χλωρόν δῖος* — II, X, 376; XV, 4.

¹⁷ Первое слово употреблено у Аниты предикативно, второе — атрибутивно (НЕ II 95). Бекби, современный издатель антологий, счел оба эти прилагательные тавтологией; примененные к одному и тому же слову, они, по его мнению, оказались чуждыми стилю эллинистической поэзии. Поэтому он восстановил старую конъектуру Брунка — Якобса, модернизирующую текст эпиграммы. Об эпитетах смерти см. G. L a n g e; Den Tod betreffende Topoi in griechischer und römischer Poesie, Diss., Lpz, 1956; G. A m b e r g, *Topoi für Sterben in griechischer und römischer Poesie*, Helicon, 1961, стр. 458 — 463. О свете и цвете в греческой поэзии написано очень много, укажу некоторые работы: H. S c h u l t z, Das koloristische Empfinden der älteren griechischen Poesie, «Neue Jahrb. für d. klass. Altertum», 14, 1911, стр. 11—12; K. M ü l l e r - B o r é, Stilistische Untersuchungen zum Farbwort und zur Verwendung der Farbe in der älteren griechischen Poesie, B., 1922; G. K r a n z, Farbiges Abglanz. Eine Symbolik, Nürnberg, 1957.

¹⁸ K. M e y e r, Untersuchungen zum schmückenden Beiwort in der älteren griechischen Poesie, Diss., Göttingen, 1913, стр. 74; E. N o r d e n, Agnostos Theos, Lpz, 1918, стр. 148 сл.

¹⁹ L. P e t e r s e n, Zur Geschichte der Personifikation in griechischen Dichtung und Bildender Kunst, Würzburg, 1939.

ласка, воспроизведен шум петушиных крыльев и петушиный крик (AP, VII, 202 = 704 сл. HE). Море, представленное в AP, IX, 144 (722 сл. HE) трусливым и злобным существом, опасно взирает на прибрежный маяк — деревянную статую хранительницы моряков Афродиты (*πρότος δερχόμενος δειμνίvet*). Но этим не ограничивается увлечение Аниты традицией эвфонии, идущей от древних ритуальных песнопений. Оттуда же пришел в ее эпиграммы гомеотелеутоп, т. е. повторение сходных и достаточно близких между собой слов и слитягм, который считают индивидуальной особенностью метрики Аниты²⁰. Такой прием был известен в древней элегии (Мимнерм, Солон, Ксенофан), но лишь в пентаметре; это позволяет предположить, что в элегический дистих он проникномимэпической поэзии. Анита также предпочитает пользоваться гомеотелеутоном в пентаметре, но иногда переносит его в гекзаметр (AP, VII, 646, 1; VI, 312, 1; IX, 313, 3 = 689, 714, 728 HE) и даже делает главным звуковым организующим началом для всего стихотворения (AP, IX, 144 = 722 сл. HE, где шесть слов оканчиваются на *ος* и столько же на *ου*).

Голландскую исследовательницу М. Бале, автора единственной монографии об Аните, не переставало удивлять то, что несомненные следы совпадений эпиграмм Аниты с гомеровскими поэмами, с элегиями, с Симонидом и аттическими трагиками практически оказываются неуловимыми, выявление непосредственной лексической и стилистической зависимости Аниты от других поэтов неосуществимо. Отсюда был сделан приятный в филологии вывод об индивидуальной манере Аниты. Однако никто не обратил внимания на то, что, например, близость Аниты к греческим трагикам ограничена ровными партиями трагедий. Скорее всего, речь должна идти не о прямых заимствованиях, а об общих источниках, об общей поэтической традиции, одна из ветвей которой уходит в ритуальные песни прославления (гимны и трены). Обычно считают источником эпитафии AP, VII, 486 (680 сл. HE) гомеровский плач Ахилла по Патроклу (II, XXIII, 102 сл.). Однако логичнее было бы возводить *ἔπος ὀλοφύδων* Гомера и эпитафию Аниты к *ἑρῆνοι ὀλοφύδοι*, т. е. реальным обрядовым причитаниям по местным героям. Анита называет мать, воздвигшую стелу на могиле юной дочери Филениды, *ὀλοφύδω Κλαίω*. Неизвестно, где была сочинена эта эпиграмма, которой впоследствии неоднократно подражали²¹ и даже широко использовали имя девушки в качестве имени гетер²², однако, по свидетельству Павсания (X, 318, 13), Анита была в Навпакте. Ее путь пролегал через Восточную Локриду и Опунт — места культа Менегия и его сына Патрокла, покровителей опунтских локров, самых преданных союзников тегейцев в IV в. вне Пелопоннеса²³.

Стилистическая близость эпиграмм Аниты к древней песенной поэзии прослеживается легче, чем языковая, анализ которой выходит за пределы данной работы. Следует только отметить, что дорийский диалект, вопреки мнению Рейгенштайна, не был лингвистической базой языка Аниты. Бале убедительно показала, насколько непосредственно употребляются в рукописях $\bar{\iota}$ и η . колебания в которых вызваны разногласиями писцов и корректора Палатинской антологии и не являются первичными. Анита пользовалась общепоэтическим языком, приспособившая его в соответствии с законами просодии к языку своей родины. Отсюда ее морфологические и лексические параллели типа *πῆτρη* и *πητρίς*, *χέρη* и *χεῖρε*, Gen. Sing. II скл. *ου* и *ουο*.

Отмеченная традиционность эпиграмматического творчества Аниты связана с идейными влияниями ее времени, для которого будущее представлялось обновленным прошлым, а изменчивое и неустойчивое настоящее заставляло искать в нем черты чего-то вечного и постоянного. Все это стимулировало популярность эпиграмм Аниты, вывело сочиненные ею надписи за пределы Тегей и Аркадии, сделало их достоянием всего гре-

²⁰ В а л е, ук. соч., стр. 141.

²¹ AP, VII, 487 = 2879 сл. HE Перс.; AP, VII, 198 = 2084 сл. HE Леонид Тарентский; AP, VII, 477 = 3604 сл. HE Тимн; AP, IX, 254 Филипп Фессалоникский.

²² Асклепиад, Посидоний, Антипатр Сидонский, Диоскорид, Филодем и Архий.

²³ Среди эпитафий Аниты одна посвящена локрийской собаке, погибшей от укуса змеи, — 700 сл. HE.

ческого мира и определило влияние Аниты на последующую эллинистическую эпиграмму даже вопреки тому, что эпиграмматисты впоследствии будут всячески преодолевать традиционность.

В текстах надписей Аниты неизменно подчеркивается постоянство и вечность. Навсегда заняло свое место в храме Афины боевое копьё как глашатай доблести своего владельца, имя которого вряд ли случайно тождественно имени знаменитого фессалийского правителя, увековеченного в приписанной Анакреонту эпиграмме (AP, VI, 142; Thuc. I, 311). Неустанно поет могильная стела хвалу юноше, павшему в битве за родину, — *κλόν... ἔπος πέτρος ἀείδει*. Вечно оплакивает мертвую девушку изображение на ее могиле — *πυρθέον ὀδύρομαι*. События, послужившие поводом для увековечения в надписи, происходили некогда в беспокойном и страшном мире. Там, лилась кровь, струясь по острию копья, погибал юноша, едва вступивший в жизнь, умирали красивые и разумные девушки, не дожившие до брачного дня. Насильственная смерть наступала полезных и преданных людям животных. Но и живым не было покоя в изображаемом Анитой мире. Люди, о которых говорится в посвячительных надписях Аниты, представлены безвестными странниками или пастухами. Поэтесса характеризует их как *ἄνδρες κερμηῶτες, τετρομένα, γυῖα, ἀσθμαίνοντα γυῖα*. Они измучены нескончаемыми дорогами (*ὀδοί, πλόος*), изнемогают от жары, усталости и жажды (AP, IX, 313, 314; XVI, 228 = 726 — 737 HE). Персонажи Аниты бесплотны и призрачны; и они, и мир, в котором они живут, лишены детальной характеристики; они еще не завоевали себе право на художественное воспроизведение. Но всему, связанному с богами, уделено много внимания.

Представления об относительности мира богов и людей не были новыми для греков и уже давно нашли свое художественное выражение в эпосе, лирике и драме. В посвячительных эпиграммах Аниты приобщение человека к миру богов не зависит от его заслуг и деяний, хотя в эпитафиях эта причинно-следственная связь еще достаточно четко выражена. Вечное невозмутимое спокойствие царит в мире богов Аниты. Презентные и перфектные формы глаголов, оттеняющие также настоящее состояние каждого отдельного момента, достаточно подчеркивают все это. Всегда сидит в лесу играющий на свирели Пан — *ἤμενος... κρέκευς* (AP, XVI, 231 = 738 сл. HE). Вечно стоит возле живой изгороди Гермес — *τῆδε ἔστακα παρ' ἄρχιτον* (AP, IX, 314 = 730 сл. HE). Непрестанно вглядывается в море Афродита — *φίλον ἔπλετο τήνα αἰεῖν... ὄρην πέλαγος* (AP, IX, 144 = 722 сл. HE). Все, что извне попадает в среду богов, приобретает такую же неизменную сущность. Успокоилось некогда неистовое копьё, теперь ему надлежит вещать о доблести — *ἤμενα ἄγγελλε*. Навсегда помещен в храм колоссальный сосуд. Непсякаема родниковая струя — *ὕποπροχέει*. Непрерывен шелест ветерка в зелени листвы — *φροῖ*.

Как вечные, спокойные и доброжелательные хранители людей обитают вне небес и храмов божества Аниты. Культ аркадских богов — покровителей лесов, полей и вод — выходит за пределы Пелопоннеса, восходя к додорийскому прошлому Эллады²⁴. Гермес, Пан, нимфы, Бромий пребывают у Аниты в обстановке прекрасной и безмятежной природы, принимая дары и отвечая на них благодарениями. Тщательно описывает Анита этот пейзаж, создание которого исследователи обычно приписывают ей, называя его ирреальным. Манера описания пейзажа у Аниты еще очень архаична. Поэтесса напизывает отдельные элементы описания и дополняет их формульными эпитетами. Деревья или кусты обязательно густолиственные, родниковая вода — чиста и прозрачна, родник вытекает из-под горы, скалы или из грота. Сохранилась одна подлинная аттическая надпись конца VI в. до н. э. — полемарх Хармос воздвигает Эрота алтарь «в тенистых пределах гимнасия»²⁵. В этой надписи увековечена не только зна-

²⁴ M. P. Nilsson, *Geschichte der griechischen Religion*, I³, Münch., 1967.

²⁵ № 112, Fried. = Athen. 13.609 D. Алтарь Эрота стоял возле входа в Академию. Полемарх Хармос — известный государственный деятель, связанный с кругом Писистрата. Как отмечает Фридлендер, все посвящение Хармоса проникнуто новым духом, а эпитет Эрота *πασιλομῆχανος* перекликается с гомеровскими эпитетами Одиссея и эпитетами Эрота и Афродиты у Сапфо.

комая всем афинянам роща, но то место, которое для Хармоса и его современников представляется земной обителью Эрота и местом его культа. Такова же природа пейзажа Аниты, возникшего из реальной Аркадии, о плодородии земель которой единодушно свидетельствуют наши древнейшие источники (надписи, Гомер, лирические поэты). Однако знакомый пейзаж своей родины Анита наделяет такими чертами, которые для ее современников являются отличительными признаками богов, — вечностью, благодетельностью, невозмутимостью и т. д. Поэтому такой пейзаж становится земным раем, где человека ждет кратковременный отдых, необходимая помощь. Отсюда божественность этой природы, представляющей собой один из основных атрибутов божества и даже заменяющей его тогда, когда в надписи имя бога не названо (AP, IX, 313; XVI, 228). Обычно филологи модернизируют подобные тексты и либо бесплодно спорят об имени бога, либо отказывают подобной эпиграмме в праве быть надписью и называют ее «жанровой картинкой». Для Аниты характерно, что в земную обитель богов люди попадают кратковременно только тогда, когда иссякают их силы и приближается гибель. Эти представления о спасительном отдыхе Анита неизменно подчеркивает — ἀμπύσης, ἀμπύσου, ἀνίπυσου, ἀμπύσα. Мало того, воду, которую некогда указали Пан и нимфы умирающему от жажды пастуху, поэтесса называет медвяной (μελιχρόν), т. е. применяет к ней эпитет вина или фруктов (AP, XVI, 291 = 672 сл. HE)²⁶. Боги здесь присутствуют постоянно, воплощенные в изображениях, дарах и посвящениях. Люди же появляются случайно, кратковременно, всегда в прошлом, они могут ожидать в будущем, но никогда не присутствуют в настоящем. Когда же человек с его миром станет основным объектом художественного изображения в эллинистической и римской поэзии, тогда бог уступит свою обитель человеку. Тогда возникнут буколики Феокрита, Биона и Мосха, пейзажные зарисовки Аполлония Родосского и Феокрита; свое художественное завершение этот пейзаж найдет в творчестве Вергилия. В этой поэзии боги покинут свое земное местопребывание и уступят его человеку, ценному для себя самого и для окружающих вне своих заслуг и добродетелей, только как личность. В поэзии Аниты такой переход только подготавливался и намечался пока еще без разрыва с традицией, но с опережением ее.

Н. А. Чистякова

EARLY HELLENISTIC EPIGRAM

by N. A. Chistyakova

In the Hellenistic period the epigram (inscription) becomes one of the principal forms for the poetic expression of personal feelings. It loses its original quality of anonymity and serves as mediator between two cultural epochs. The beginnings of the literary epigram are connected with the name of Anyte of Tegea and with the specific historical conditions of the extra-Dorian Peloponnese in the second half of the fourth century B. C., which explain the intermingling in her work of the archaic, genuinely epigraphical type of epigram with the old melic poetry. The combination of the traditional and the new in the style of these epigrams was also influenced by historical circumstances, and thanks to this combination the poet's contemporaries were able to regard their own time as the stable and natural successor of the past which they idealised. Hence the continuing role and significance of this poetry (Aratus, Theocritus, Nicias, Leonidas of Tarentum, etc.).

²⁶ Alc. fr. 338, 6 LP; Anacr., fr. 110 G; Theocr., Id. V, 95; AP, V, 191; G. R o b e r t - T o r n o w, De apium mellique apud veteres significatione et symbolica et mythologica, B., 1893; A. B. C o o k, The Bee in Greek Mythology, JHS, XV, 1895, стр. 1—24.